

* * *

Ах, этот просёлок рассветный!
Взглянуть – и вовек не забыть:
деревни глухой, заповедной,
огней, что лучатся сквозь сныть,
паренья орла по-над кручею,
шеломов-стогов по жнивью,
реки с камышовой излучиной,
что в душу впадает мою.
Как мало для радости надо...
Как близок уже горизонт...
Но как же смотреть мне отрадно
на ливень берёзовых крон,
на этот просёлок рассветный,
который не в силах забыть.
Да разве осмелится сердце
себе самому изменить?

* * *

А после Троицы хлынуло лето!
Божья на мир снизошла благодать.
Снова в лугах, щедро залитых светом,
скирд новолетних несчётная рать.

Вот за Кромой, ни далёко, ни близко,
загромыхало, и сотнями риз
дождик грибной, светозарно-лучистый,
в роще берёзовой с веток повис.

Тихою радостью, горним елеем
душу мою он кропит и кропит.
Отче всещедрый! Пускай не скудеет
дней золотых этих вечная нить.

Радуг цветастых взошли полукружья –
нимб осиянный над крышами сёл.
– Сердце! Ну что тебе, мытарю, нужно?
– Эти поля, эта речка и дол.

* * *

Майское утро.
Сады в бело-розовой кипени.
Даль за рекою
раскинула светлый свой плат.
Что же ты бредишь,
душа, до сих пор ЕГО именем?
Жизнь надломилась,
уже ни вперед, ни назад.

Я примеряла
и цвет этот розовый кипенный,
и тот, пресветлый,
как утренний дымчатый плёс...
Счастье б водилось
в дому под столетними липами,
если б надежды
судьба не списала на снос.

Ветер над садом
метелью пылит лепестковою,
словно зима
возвратилась из дальних сусек.
С кем без тебя
мне судьбу эту перебедровывать?..
Будешь ли счастлив и ты без меня,
дорогой человек?

* * *

Говорят, что судьба и за печкой найдёт...
Ах, родной мой! Как хочется в это поверить!
Даже сбилась со счёту, который-то год
для тебя нараспашку и сердце, и двери.

И тебе ни за что не расстаться со мной,
даже если другой ты – навеки отрада.
Для судьбы моей жаркой ты –
дождь проливной
и стократная за прегрешенья расплата.

Ты давно для меня стал весенней листвою,
этим небом льняным в нежный час
предрассветный,
соловиною трелью в сирени густой,
этим прудом в кувшинках молочного цвета.

А ещё – первым снегом опять к Покрову, –
ты об этом не знаешь, – до боли сердечной
станешь ты ниспадать...
Эти сны наяву!..
Немота старых комнат – пудами на плечи...

* * *

На октябрьский простор – только три огонька...
Да ещё – церква Сергия свечкой на взгорье.
Но меня этот край, где полынь и тоска,
где в суглинок осыпались предков века,
узелком привязал, до неслыханной боли.

Захолохнет душа ни с того ни с сего
и рванётся в его перестылые хляби.
У просёлка, что гнётся вдоль сосен дугой,
посмотри, как гостинец судьбы дорогой –
проросли зеленыя по возделанной зяби.

И сойду я с пути, и замру под сосной,
залобуюсь, как озимь гуляет волною.
Никому в целом мире узнать не дано,
что нечаянной радости стало виной,
отчего так светло плачу я в травостое.

* * *

Старый дом на горе,
голубями поющие сени.
Как веками велось,
на Божнице – Спасителя лик.
Здесь когда-то надеждой
так густо дышали сирени
и созвездия счастья
плескал сквозь купавы родник.

На столе – самовар,
бузиною начищен до блеска...
Жизнь, как день, отцвела,
вечер выпит до дна.
По привычке рядком –
птицы райские на занавесках,
Только нитки поблёкли,
а солнце затмила луна.

Старый дом, где слышны
по ночам моих пращуров речи...
Всё наследство –
три карточки да полинялый рушник.
Только нет им цены,
как навеки утраченной вещи...
А предать память сердца –
засыпать землёю родник.

* * *

Редкий раkitник
вдогонку вдоль линии.
Скорый несёт
сквозь октябрь напролом.
Первым, легчайшим,
нечаянным инеем
ночь присолила
холмы за окном.

У полустанка –
рассветные ивы,
чёрный кустарник.
Бурьянный овраг.
На небо блёклое
катит лениво
солнца проржавленный,
тёртый пятак.

Значит, к полудню
на грош потеплеет.
Брызнет обманная
вновь синева.
Может, напрасно мне
правдою мерить
прикосновенья твои
и слова?

Друг мой сердечный,
мой путник извечный!
Годы горят,
как соломенный сноп.
Вот потому-то
осенние встречи
любишь до боли сердечной,
взахлёб.

Даже самой
удивительно-странно...
Словно навек
остаюсь молода –
до перехвата дыханья
желанны
руки родные твои
и уста.

* * *

Даже думать о тебе заказано...
Дней промозглых в никуда скольжение.
Дождь кого-то потерял под вязами –
мечется вдоль улицы в смятении.

Мне б в глаза взглянуть хоть на мгновение...
Мне без них который век недужится.
Что же делать с этим наваждением
и с судьбой, до хрипоты простуженной?

* * *

Ласточки примчались на постой
в май, умытый тополиным ливнем,
в домик над окошком свой лепной,
слаженный из радости и глины.

Плещет сад вишнёвым молоком
в малахит очнувшегося луга...
Словно всемогущею рукой
кто-то замечает душу вьюгой.

Сквозь неё встаёт аэропорт.
Рейс до Пскова?.. Или до Ростова?
Ты опять в пути. Тебе с высот
моего совсем не видно крова.

Ни взглянуть, ни протянуть руки.
В сердце боль настырная гнездится.
Встречи впопыхах, как миг... звонки...
Но не вырвать из судьбы страницы.

Ласточка за ласточкой снуёт –
счастье лепится до края лета...
В поднебесье тает самолёт...
След твой тает, тает незаметно.

